

Что будет с транзитом российского

Киев рискует потерять возможность зарабатывать на виртуальном

Андрей Конопляник

24 января с.г. состоялась встреча словацкого и украинского премьеров Роберта Фицо и Дениса Шмыгала. Затем последовали взаимноисключающие высказывания обоих участников встречи и их аппаратов, а затем допускающие различную интерпретацию ремарки российского вице-премьера Александра Новака, министра энергетики Николая Шульгинова и множественные комментарии в российской и международной прессе о перспективах продления завершающегося в конце нынешнего года контракта на транзит российского газа через территорию Украины. Попробуем разобраться, не предвещающая, какие имеются варианты дальнейшего развития событий...

Три плюс два

Сегодня из пяти экспортных магистралей радиально-кольцевой системы поставок российского газа в Европу (см.: «Россия создает новую инфраструктуру газовых поставок в Европу», «НГ-энергия» от 12.10.21) работают два транзитных коридора:

– украинский – газопроводы Уренгой–Помары–Ужгород (УПУ, пропускная способность – 32 млрд куб. м/год проектная и 28 млрд куб. м/год фактическая) и «Прогресс» (Ямбург – западная граница СССР, пропускная способность 26 млрд куб. м/год); оба проложены в одном коридоре, пункт входа на территорию Украины на газоизмерительной станции (ГИС) Суджа, и до мая 2022 года – газопровод «Союз» (Оренбург – западная граница СССР), проектная пропускная способность 26 млрд куб. м/год, пункт входа на территорию Украины на ГИС Сохрановка;

– турецкий – морской двухпутный газопровод «Турецкий поток», пункт входа на сушу в Турции в Кызылйе, пропускная способность 2 x 15,75 млрд куб. м/год, и его сухопутное продолжение в ЕС, одной ниткой из двух, «Балканский поток».

Три остальные экспортные магистрали для российского газа бездействуют. Польский транзит (трубопровод Ямал–Европа) остановлен после введения России контрсанкций в ответ на польские ограничения деятельности «Газпрома» как акционера компании «ЕвроПолгаз», собственника этой транзитной трубы на территории Польши. Оба «Северных потока» бездействуют после диверсии 26.09.22 в международных водах Балтики, вблизи датского острова Борнхольм, когда в результате подводного взрыва были разрушены три их нитки из четырех. Четвертая неповрежденная (одна из двух ниток «Северного потока – 2») не может быть введена в эксплуатацию, поскольку этот газопровод (брат-близнец работающего до 31.08.22 «Северного потока – 1») не был сертифицирован правительством ФРГ (процесс сертификации был приостановлен 22.02.22, на следующий день после признания Россией ДНР и ЛНР) с подачи и под давлением США (которые ввели против него санкции еще на этапе его строительства в августе 2017 года). И построенный и заполненный газом трубопровод простаивал в ожидании (так и не выданного) разрешения на ввод в эксплуатацию до момента сентябрьской диверсии.

Сегодня «Газпром» поставляет через Украину примерно 30–40 млн куб. м/сут (столько, сколько запрашивают европейские покупатели) из 109 млн куб. м/сут мощностей, забронированных в рамках действующего транзитного контракта. Транзитный контракт был заключен в самом конце 2019 года по формуле «качай-и/или-плати» на фиксированный суммарный объем 225 млрд куб. м транзита за 2020–2024 годы (65 млрд куб. м в 2020 году и по 40 млрд куб. м/год в 2021–2024 годах). При этом с 11.05.22 украинская сторона принимает газ для транзита только через пограничную ГИС в Судже и не принимает на ГИС в Сохрановке, объявив форс-мажор и мотивировав его тем, что эта ГИС находится на неподконтрольной Украине территории – в ЛНР.

При этом «Нафтогаз» продолжает выставлять счета «Газпрому» за отсутствующий транзит через Сохрановку, где сам же отказывается принимать у него газ. «Газпром» не признал объявленный украинской стороной форс-мажор как основание для отказа приемки газа в Сохрановке и поэтому сократил транзитные платежи на величину мощностей, забронированных в этом пограничном пункте. В ответ «Нафтогаз» в мае 2022 года подал иск в международный арбитраж против «Газпрома» за

Рис. 1.

Схема автора

то, что последний не оплачивает в полном объеме законтрактованные мощности украинской ГТС, как предписано транзитным контрактом. На это в сентябре 2022 года «Газпром» заявил, что продолжение арбитражных разбирательств «Нафтогазом» в ныне утративших свою нейтральность, а потому легитимность, международных арбитражных трибуналах грозит украинской компании попаданием под санкции РФ, что означает автоматический запрет любых отношений с ней, значит, прекращение транзита. То есть с украинским транзитом до завершения срока действия контракта может повториться история, аналогичная истории с транзитом по газопроводу Ямал–Европа.

Проектная мощность одной нитки «Турецкого потока» составляет 15,75 млрд куб. м/год. Его текущая нагрузка на входе в «Балканский поток» на ГИС Странджа-2/Малкочлар на границе Турции и Болгарии составляет около 35–40 млрд куб. м/год, что эквивалентно 13–14 млрд куб. м/год, то есть свободными остаются 2–3 млрд куб. м/год на входе в эту магистраль. Далее вглубь ЕС пропускная способность «Балканского потока» снижается: по данным Европейского объединения операторов ГТС (ENTSO), на границе Болгарии и Сербии она составляет 12,6, а на границе Сербии и Венгрии – 7,6 млрд куб. м/год. Венгрия в 2021 году подписала долгосрочный контракт (ДСК) с «Газпромом» на 15 лет на 4,5 млрд куб. м/год, при этом весь газ идет по «Балканскому потоку». Ранее 1 млрд куб. м/год в рамках этого объема страна получала через Украину, теперь транзит в Венгрию через Украину прекратился, а значит, и виртуальный реверс из Венгрии в Незалежную, что подтвердила компания-оператор газотранспортной системы Украины (ОГТСУ). Таким образом, свободными для дальнейшей прокачки по этой системе на выходе из «Балканского потока» остаются мощности в объеме тех же 2–3 млрд куб. м/год, что и на входе.

Возможно несколько сценариев дальнейшего развития событий в рамках двух основных вариантов в связи с завершением контракта на транзит (Рис. 1): поставки российского газа через территорию Украины прекращаются (вариант B1) или продолжаются (вариант B2).

Вариант B1

Не считаю реализуемым сценарий B1–1 с прекращением поставок в страны ЕС по действующим ДСК, по которым газ поставляет сегодня через украинский коридор (напомню: для любого ДСК обязательным является пункт сдачи-приемки газа (ПСП), но не маршрут доставки до ПСП). По нему газ получают Словакия и Австрия, далее – Италия (Венгрия с 2021 года получает весь газ в обход Украины). Эти страны проводят прагматичную национально ориентированную политику, в которой, в отличие от политики Еврокомиссии и иных «общеевропейских» институтов, отсутствует (или присутствует в наименьшей степени) антироссийская политизированная ангажированность. Найти российскому газу адекватную замену они сегодня не смогут (хотя глава австрийской энергетической компании OMV Альфред Шперг заявил в середине января, что его компания – торговый партнер «Газпрома» – застрахована от риска прекращения поставок российского газа путем диверсификации), поэтому прекращение поставок из России создало бы в

этих странах серьезные экономические проблемы. Что может привести к смене правительства и к приходу к власти антироссийски настроенных партий. Это увеличит число и усилит консолидацию сторонников антироссийской и проукраинской политики на общеевропейском уровне. Такой расклад не в интересах России.

Поэтому при варианте B1 для сохранения поставок российского газа по действующим ДСК в страны ЕС, которые не спешат от него отказываться, несмотря на то что принята 08.03/18.05.22 программа REPowerEU («Перезагрузки ЕС») нацелена на отказ от поставок российских энергоресурсов к 2027 году, должна будет произойти переброска украинских транзитных объемов на «Турецкий» и «Балканский» потоки (остальные три трубопроводных канала поставок в ЕС заблокированы или разрушены). То есть вариант B1–2. Основной вопрос: хватит ли свободных мощностей обоих «потоков», чтобы пропустить украинские объемы?

Напрашивается очевидный ответ – не хватит: 11–15 млрд куб. м/год текущего украинского транзита (словацкие, австрийские и другие объемы) не вписываются в 2–3 млрд куб. м/год свободных наличных мощностей «Балканского потока» на входе и на выходе из него. Пусть даже известно, что часть импортных объемов из России по украинскому коридору (например, в Австрию), поставляемых в рамках контрактных обязательств по ДСК, идет не на внутреннее потребление (которое относительно снизилось из-за мер по повышению энергоэффективности, прямой экономии и др.), а для дальнейшей перепродажи на рынке ЕС, где большую часть времени цена с индексацией по ДСК меньше текущих биржевых котировок для спотовых продаж.

Ценовые формулы российских ДСК (85% привязки контрактных цен к спотовым с лагом запаздывания в несколько месяцев и усреднением цен «опорного периода») обеспечивают своеобразный маятник ценовых дифференциалов, когда для покупателя в моменте оказываются более выгодными те контрактные, то спотовые цены. Что вызывает такой же маятник колебаний заявляемых покупателями текущих контрактных объемов поставки в рамках (или даже за пределами) допустимого диапазона заявок «бери-и/или-плати». В нынешней политической конъюнктуре размах колебаний взлетевший начиная с середины 2021 года (более чем за полгода до начала СВО) спотовых цен резко возрос, а с ним и размах маятника ценовых дифференциалов. Это стимулирует покупателей в рамках контрактных обязательств заявлять «Газпрому» более высокие объемы текущей поставки, чем требуется для обеспечения потребления. Тем не менее «Газпром» обязан поставлять столько, сколько запрашивают европейские потребители в рамках действующих ДСК (чтобы не нарваться на штрафные санкции). И столько же ему придется перебросить на «Турецкий» и «Балканский» потоки.

И вопрос не в том, сколько «неокрашенного в цвета российского триколора» газа удастся собрать на турецко-болгарской границе (скажем, в рамках так называемого турецкого хаба, включая возможное перенаправление российских «бумажных» поставок в ЕС через Азербайджан – для обезличивания национальной принадлежности газа в трубе и/или после его «смешивания» на хабе), а в пропускную способность трубопроводных

мощностей «Балканского потока» далее по маршруту поставки потребителям российского газа. Это значит, что первоочередной задачей для России/«Газпрома» (в рамках варианта 1) является расшивка узких мест по трассе «Балканского потока», то есть строительство луппингов и дополнительных газоперекачивающих агрегатов (ГПА) на компрессорных станциях (КС).

А это требует времени – и не столько на строительство (построить можно за несколько месяцев), сколько на прохождение разрешительных и тендерных (обязательных в ЕС) процедур, которые легко (без отягчающих ценаправящих мер ЕС на строительство инфраструктуры для ископаемого топлива (Европейский инвестиционный банк еще в ноябре 2019 года принял соответствующий запрет, который вступил в силу с 2022 года). Плюс очевидное нежелание европейских и ряда национальных институтов поддерживать создание (и/или препятствование ему) дополнительной инфраструктуры для российского газа, тем более в обход Украины в нынешних условиях жесткого противостояния «коллективный Запад – Россия»: войны в Украине, политики ЕС по отказу от российских энергоресурсов и шире – в рамках зеленой повестки – по отказу от ископаемого топлива.

В качестве примера напомним последнюю, но не единственную историю отменившейся своей русофобией к «братушкану» Болгарии (когда-то неофициально считавшейся чуть ли не «16-й республикой СССР»): в октябре 2023 года страна ввела на треть повышенные транзитные ставки для российского газа, идущего в Сербию и Венгрию, каковую атаку этим странам удалось отбить, пригрозив заблокировать вступление Болгарии в Шенген (иначе российский газ стал бы для них дороже), и в декабре это повышение было отменено.

То есть очевидно, что к концу 2024-го и даже, пожалуй, к концу 2025 года при всем желании не удастся расширить существующую инфраструктуру «Турецкого» и «Балканского» потоков для переброски на нее существующих объемов украинского транзита. В лучшем случае к 2027 году.

Возникает вопрос: как в таком случае при варианте B1–2 распределить между наличными свободными мощностями этих «потоков» (разница между проектной мощностью и законтрактованными объемами) явно превышающие их перебрасываемые объемы? Притом что указанная дельта на разных участках двух «потоков», от входа в Болгарию до Австрии, меняется. Европейское законодательство дает разрешенный допустимый ответ – pro rata, то есть пропорциональное распределение. Обоснование: вынужденный перенос объемов поставки на другие маршруты в связи с невозможностью транзитной стороной действующего транзитного контракта. Что тем не менее вряд ли устроит покупателей российского газа и чревато судебными исками с их стороны за неисполнение поставщиком («Газпромом») контрактных обязательств по перебрасываемым объемам (напомню, ДСК предписывают ПСП, но не маршрут доставки к нему), хотя этот принцип защищаем в нейтральном (непредвзятом по отношению к России) международном арбитраже. Но остались ли такие

сегодня? Значит, придется решать вопрос по варианту B2.

Вариант B2

Понятно, для чего было нужно сохранение украинского транзита, хотя продолжение поставок российского газа через Украину уже давно вызывает многочисленные вопросы в обществе в связи с военными действиями на территории транзитной страны между этой страной (Украина) и страной-грузоотправителем (Россия). Тем не менее рассмотрим и вариант B2. В нем есть два подварианта:

(B2–1) – сохранение ПСП российского газа по действующим ДСК внутри ЕС (историческая практика «Газпрома» – продажа внутри ЕС, ближе к конечному потребителю), то есть по территории Украины сохраняется прокачка российского газа (по титулу собственника) газа;

(B2–2) – перенос ПСП по действующим ДСК на восточную границу Украины, то есть продажа российского газа на российской границе, чему всегда обоснованно противился «Газпром» (продавать надо у потребителя). В этом случае право собственности на российский газ переходит к его покупателям на российско-украинской границе, как и бремя и риски дальнейшей его транспортировки через территорию Украины и далее до потребителя («туркменская схема»).

Из трех возможных опций по подварианту B2–1 необходимо сразу исключить две сугубо теоретические в нынешних условиях: B2–1–1: невозможность представить прямое бронирование мощностей газотранспортной системы Украины (ГТСУ) «Газпромом», то есть прямой двусторонний контракт между российским «Газпромом» и ОГТСУ, будь то в форме заключения срочного транзитного контракта или регулярное краткосрочное бронирование мощностей ГТСУ российским грузоотправителем на разовой основе;

B2–1–2: столь же невозможно прямое или модифицированное повторение (после начала СВО) действующей сегодня схемы транзита через Украину (организация которой была возможна до начала СВО), в рамках которой «Газпром» на восточной границе Украины сдает газ «Нафтогазу» (в объемах фактических заявок, номинированных европейскими покупателями российского газа) для осуществления последним агентских услуг по прокачке транзитных объемов российского газа через территорию Украины. И уже «Нафтогаз» бронирует у ОГТСУ трубопроводные мощности по фактическим заявкам в пределах контрактных объемов (с учетом виртуального реверса, что означает существенное различие в расчетах «Газпром»–«Нафтогаз» и «Нафтогаз»–ОГТСУ) и передает на западной границе страны обремененные эквивалентные объемы газа, которые тот передает далее по цепочке словацкому оператору ГТС в Велке-Капушаны для дальнейшей прокачки от Баумгартена на Чехию и Австрию. При этом оплате подлежат не объемы фактической прокачки, номинированные компаниями-покупателями ЕС, а объем мощностей, зарезервированных «Газпромом» в обязывающих рамках подписанного в конце декабря 2019 года транзитного контракта на 2020–2024 годы.

Остается третий вариант – B2–1–3: компания-посредник (или их консорциум) из стран ЕС. Право собственности на газ остается у

«Газпрома», компания-посредник выступает агентом по транспортировке газа через территорию Украины для доставки на западную границу страны (фактически заменяя «Нафтогаз» в текущем транзитном контракте), который далее по ГТС Словакии, а затем Чехии и Австрии идет для продажи внутри ЕС.

Однако есть нюанс: европейский бизнес, которому наднациональные европейские институты предлагали таким образом взять на себя риски транспортировки через Украину начиная с 2009 года (после второго российско-украинского транзитного газового кризиса) категорически этому противился, ибо не хотел брать на себя непредсказуемые украинские транзитные риски (и ответственность за доставку газа конечным потребителям в ЕС) и предпочитал сохранять их на российской стороне. В том числе из-за высокой изношенности ГТСУ: по оценкам независимых западных консультантов, аварийность ГТСУ в середине 2010-х была в 9 раз выше, чем в среднем по ЕС, и в 10 раз – чем в ФРГ.

Подвариант B2–2 – перенос ПСП в ДСК «Газпрома» на восточную границу Украины. Это давно известный план Еврокомиссии и ряда европейских институтов (энергорегуляторов, операторов ГТС), возникший в период 2010-х годов, когда отношения Россия–ЕС сохранялись и развивались, хотя уже по нисходящей, а газовые отношения Россия–Украина устойчиво ухудшались, но еще не перешли в военную плоскость. Этот план возник в ЕС как вариант избежать повторения январских российско-украинских транзитных газовых кризисов в 2006 и 2009 году. Своего апогея (наиболее детальной проработки) он достиг в рамках плана Еврокомиссии Quo Vadis 2017 года, который удалось предотвратить тогда еще совместными усилиями. Предполагалось, что если транспортировку переставшего быть российским газом через территорию Украины будут осуществлять европейские компании – покупатель ЕС, то это устранил бы присущие российско-украинским газовым отношениям транзитные риски. Однако есть вышеуказанный нюанс.

Проблему транзитного риска можно было бы в принципе (и в других исторических условиях, когда мы ее предлагали заинтересованным сторонам начиная с середины 2010-х годов) решить схемой организации инвестиционного консорциума с участием компаний – покупателя российского газа, заинтересованных в сохранении украинского маршрута, и международных и европейских финансовых институтов. Консорциум осуществил бы модернизацию выделенного (обособленного) украинского транзитного коридора (на основе газопроводов УПУ и «Прогресс») для поддержания его в работоспособном состоянии на полную проектную мощность (около 60 млрд куб. м/год), чтобы этот маршрут сохранял важную, но новую (балансирующую) роль в рамках создававшейся тогда радиально-кольцевой архитектуры поставок российского газа в ЕС.

Нанятый бы инвестконсорциум (с соблюдением процедур ЕС) оператор ГТС одной из стран ЕС (несколько операторов ГТС выражали такое свое желание) осуществлял бы прокачку газа через этот коридор, что было бы условием окупаемости инвестиций в его модернизацию. Это давало бы гарантии непрерывности транзита. Но сегодня организация такого консорциума невозможна.

Во-первых, никакой финансовый институт не пойдет на затратную модернизацию инфраструктуры ГТС на территории воюющей Украины. ЕБРР выделял Украине кредит 300 млн долл. на газовые нужды в 2015 году, но на закупку газа, когда страна отказалась от прямых его закупок у России, и лишь маленькая часть этого кредита должна была пойти на «модернизацию и ремонт украинского сегмента магистрального экспортного газопровода Уренгой–Помары–Ужгород». В 2021 году тогдашний глава ОГТСУ Сергей Макогон заявлял, что «Украина модернизирует те объекты ГТС страны, которые будут задействованы независимо от продолжения транзита через территорию страны».

Во-вторых, для переноса ПСП «Газпрому» потребовалось бы провести в 2024 году переговоры с компаниями четырех-пяти стран ЕС (а им, в свою очередь, с ОГТСУ). Притом что, полагаю, «Газпром» не собирается это делать, существуют риски запрета на внесение изменений в действующий ДСК Еврокомиссией, а поскольку (мы столкнулись с этими

газа через Украину реверсе

разъяснениями в период участия в подготовке Сетевых кодексов ЕС к Третьему энергопакету ЕС) внесение таких изменений будет трактоваться Еврокомиссией как эквивалент заключения нового ДСК и потребует согласования с ней, однозначный результат чего предсказать несложно.

В-третьих, проект обновленного «Регулирования ЕС внутренних рынков возобновляемых и природного газа и водорода» от 15.02.23 (не сомневаюсь, что оно будет принято в ближайшее время Европарламентом в этой, а то и более жесткой антитезисской редакции) в статьях 5.5.a и 7.6.a побуждает страны ЕС к введению ограничительных мер на поставки видов газа, включая трубопроводный и СПГ, из России и Белоруссии, в том числе через третьи страны, путем введения ограничений на доступ к инфраструктуре.

Вот такая матрица подвариантов. Для развязывания этого клубка времени осталось не так много... Посмотрим плюсы-минусы разных сценариев возможного развития событий после завершения действующего транзитного российско-украинского газового контракта для основных прямо или косвенно вовлеченных в проблему украинского транзита государств. К числу таковых относятся (помимо России, оценку плюсов-минусов для которой оставляю вдумчивому читателю) Украину, Словакию, Австрию, Венгрию, Сербию, Болгарию, Польшу, Молдавию, ЕС в целом, США.

Украина

С середины 2023 года руководства Минэнерго Украины и «Нафтогаза» неоднократно и однозначно заявляли, что транзит российского газа через территорию Украины прекратится в конце 2024 года, когда истекет срок действия контракта между Москвой и Киевом. После заявления словацкого премьера Роберта Фицо по итогам встречи с его украинским визави Денисом Шмыгалем 24 января с.г., что «вероятно, транзит российского газа через Украину будет продолжаться», в кабине Украины уже 25 января опровергли готовность к продлению транзита, но допустили, что Киев «может говорить» с европейской страной (членом ЕС) об использовании своей газотранспортной сети (ГТС). Пресс-служба премьера Украины заявила журналисту издания «Украинская правда»: «Позиция украинской стороны однозначна: транзитный контракт заканчивается в конце года, мы не собираемся говорить с россиянами и продлевать соглашение» и «об этом украинский премьер сказал своему словацкому коллеге». Агентство РБК-Украина со ссылкой на источники в украинском правительстве сообщило, что транзит будет возможен после этого срока только в случае, если получатель будет арендовать мощности украинской ГТС.

Несмотря на столь двойственные заявления, страна категорически заинтересована сохранить транзит в любой форме, поскольку отказ для нее от транзита означает прямые потери. Во-первых, страна теряет транзитные доходы. Общая их величина за суммарные 225 млрд куб. м транзита за 2020–2024 годы (65 млрд куб. м в 2020 году и по 40 млрд куб. м в 2021–2024 годах) при формуле оплаты за транзит «качай-и/или-плати» должна была составить, как было заявлено тогдашним руководством «Нафтогаза», 7,15 млрд долл. То есть Украина потеряет ежегодный доход около 1,3 млрд долл. Во-вторых, Украина потеряет возможность зарабатывать на виртуальном реверсе при отказе от транзита российского газа. Страна получает транзитные платежи за работу по транспортировке российского газа якобы через всю свою территорию, хотя не прокачивает все транзитные объемы на все 1200 км транзитного маршрута между восточной и западной границами Украины. То есть «Нафтогаз» получает плату за невыполненную работу. Российский транзитный газ потребляется в восточных и центральных районах Украины, а в Европе остаются эквивалентные объемы газа, якобы поставленного в Украину из ЕС по реверсу или забираемые из украинских ПХГ на западе страны (рис. 2). В соответствии с энергетическим законодательством ЕС, которое с 2011 года применяется и в Украине как члене Энергетического сообщества, рыночные зоны в странах ЕС и Энергетического сообщества устроены по принципу «бассейнов», поэтому такой «промежуточный отбор» легализован. Эта статья дохода для Украины теряется.

В-третьих, появляется новая статья расходов. При транзите

российского газа поддержание давления в ГТСУ обеспечивалось созданием повышенного давления на входе в ГТСУ с востока для прокачки транзитных объемов. Поэтому расходы топливного газа на работу ГПА на КС в ГТСУ ложились в значительной степени на российскую сторону. Украинской стороне необходимо было лишь поддерживать на своих КС по маршруту транзитных коридоров (9 КС на газопроводах УПУ и «Прогресс», 11 КС на «Союзе») высокое давление, обеспечиваемое на входе в ГТСУ российской стороной. При отсутствии же российского газа в ГТСУ на украинскую сторону ложится задача подъема давления в системе с существенно более низкими значениями. Ведь объемы внутренней добычи меньше объемов потребления в Украине, значит, нужно будет поднимать давление теперь уже собственными силами, а это дополнительные расходы топливного газа (отечественного или импортного) на работу ГПА.

В-четвертых, появляются прямые «негазовые» потери, связанные с утратой транзита: страна теряет защитный «коридор безопасности» в полосе от-

заметно меньше, чем при сохранении украинского транзита.

Словакия будет иметь возможность доступа физическим реверсом к ПХГ на западе Украины (которые с 2017 года работают в режиме таможенного склада) через Велке-Капушаны для балансировки дискретных поставок СПГ на польский и литовский приемные терминалы СПГ. И возможность получения газа реверсом через Чехию (с приемных регазификационных терминалов СПГ в ФРГ).

Мощностей одних лишь плавучих хранилищ СПГ (FSRU), которые в ЕС намерены устанавливать в связи с действующими и строящимися приемными терминалами СПГ для балансировки дискретных поставок СПГ (эта концепция прорабатывается в Европе), будет явно недостаточно. Средняя вместимость FSRU составляет 200–250 тыс. куб. м СПГ (360–450 млн куб. м сетевого газа после регазификации). Даже если поставить с десятком FSRU на терминалах СПГ на севере (Польша, Литва, ФРГ) и юге (Турция, Греция, Хорватия) восточной части ЕС – на входе и выходе «вертикального газового коридора», создаваемого в рамках

(имеет в этом очевидную и безусловную поддержку США) через приемные терминалы в Польше и Литве. Заинтересована в отказе от (прекращении) украинского транзита. Это, очевидно, помимо прочего, создаст дополнительные стимулы для ускорения строительства приемного терминала СПГ в Гданьске.

Польша является инициатором (наиболее активным сторонником) возрождения концепции Пилсудского «Междуморья». Ныне – это Инициатива трех морей (Триморье, или Балто-Адриато-Черноморская инициатива), запущенная в публичное пространство Атлантическим советом США в 2014–2016 годах, но официально предложенная странам ЕС, с подачи США, Польшей и Хорватией (о чем, не скрываясь, говорится на сайте Инициативы). Участниками Инициативы сегодня являются 13 государств ЕС плюс Украина и Молдова как страны-партнеры. В ее рамках – создание на востоке ЕС вертикального инфраструктурного (военно-экономического) коридора, в том числе вертикального газового коридора из целой серии газопроводов-интерконнекторов.

Болгария

Эта страна также хочет перехватить у Украины роль основного транзитного узла, но на юге Восточной Европы, и также для импортного, в первую очередь американского СПГ. На это нацелена продвигаемая Болгарией концепция Балканского хаба; страна имеет поддержку этого плана Еврокомиссией (которая выразила ее в очередной раз именно в те дни, в конце апреля 2022 года, когда страна отказалась от российских газовых поставок). Неизбежна конкуренция концепций двух хабов на юго-востоке Европы: Балканского (продвигается Болгарией) и Турецкого (продвигается Россией). Болгария – выгодоприобретатель от плана США и Польши о возрождении концепции Пилсудского «Междуморья».

Важный нюанс, характеризующий настрой двух стран: Польша и Болгария первыми и досрочно, до завершения действующих ДСК с «Газпромом», отказались от российских поставок в апреле 2022 года, после введения указа президента РФ 31.03.22 новой схемы оплаты за экспортные поставки трубопроводного газа

к инфраструктуре для российского трубопроводного газа и СПГ. Цель – замена российского газа на СПГ США в качестве согласованной совместной официальной политики ЕС–США (несмотря на прямые и косвенные экономические потери ЕС от такой замены).

США

Долгосрочная политика США ставит своей целью оторвать Россию и Германию друг от друга, ибо объединенные ресурсы двух стран представляют непреодолимую угрозу американскому глобальному доминированию. Происходит замена российского газа за счет СПГ США, тем самым осуществляется двойное разорение Европы (план Моргентау 1944 года в действии). США заинтересованы в поставках своего СПГ в первую очередь в ЕС, а не в Азию: платежеспособный рынок, путь к нему от заводов СПГ на побережье Мексиканского залива прямой и более короткий, на этом пути нет узких логистических мест (отсутствуют пропускные ограничения и плата за проход Панамского канала). При этом в США есть заинтересованность во входе на газовый рынок ЕС с востока, отсекая российский газ от украинского коридора и от ПХГ на западе Украины. Это дешевле, чем строить новые трубопроводы для доставки регазифицированного СПГ от приемных терминалов СПГ на северо-западе, западе и юго-западе ЕС до существующих ПСП российского газа в центре ЕС для замещения российских поставок. Пока что я вижу последовательную реализацию США этой задачи.

Понятно, для чего США и ЕС добивались сохранения украинского транзита в период до начала СВО. Во-первых, его наличие давало им возможность обосновывать отсутствие необходимости для России строительства «Северного потока – 2» и сохранение максимальной загрузки украинского транзитного коридора. Особенно когда после Парижского соглашения по климату (которое многие интерпретируют не как задачу сокращения эмиссии парниковых газов, но как необходимость отказа от использования ископаемого топлива, включая самое чистое – природный газ) стали нарастающей лавиной появляться прогнозы начала стагнации, а затем и снижения импортного спроса ЕС на природный газ (основного экспортного рынка для российского трубопроводного газа). Хотя вплоть до начала пандемии европейский газовый бизнес прогнозировал рост импортного спроса на российский газ, а руководство «Газпрома» и России декларировало готовность и возможность удовлетворять этот растущий спрос, что показал, например, опрос участников 12-й Европейской газовой конференции в январе 2019 года. Во-вторых, наличие украинского транзита давало возможность США и ЕС экономить на финансовой помощи Украине, переложив фактически часть этой помощи на Россию (транзитные платежи), и позволяло им перенаправить сэкономленные средства на собственные нужды.

После начала СВО политическая обстановка кардинально изменилась и эти задачи не стоят более в повестке. «Северные потоки» уничтожены. Идет ускоренный целенаправленный отказ от российского газа, значит, украинский транзит становится ненужным, тем более по нему российский газ идет в страны ЕС, которые занимают, по мнению Вашингтона и Брюсселя, пророссийскую позицию. Изменилось содержание и направление западной помощи Украине. Если до СВО она была в меньших размерах и шла преимущественно на поддержку украинской экономики, то сегодня выделяемые Украине огромные финансовые ресурсы идут непосредственно на поддержку и развитие военно-промышленных комплексов (ВПК) западных стран, которые производят и обеспечивают поставки воюющей Украине вооружений и расходных в огромных количествах боеприпасов. То есть расходных материалов, обеспечивающих постоянную высокую нагрузку производственных мощностей и занятость в отраслях ВПК стран НАТО.

Вот такое переплетение посттранзитных интересов. Рубить нельзя развязывать... Ида ставить знак препинания? Оста-лось меньше года для решения проблемы.

Андрей Александрович Конопляник – доктор экономических наук, профессор, член научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике.

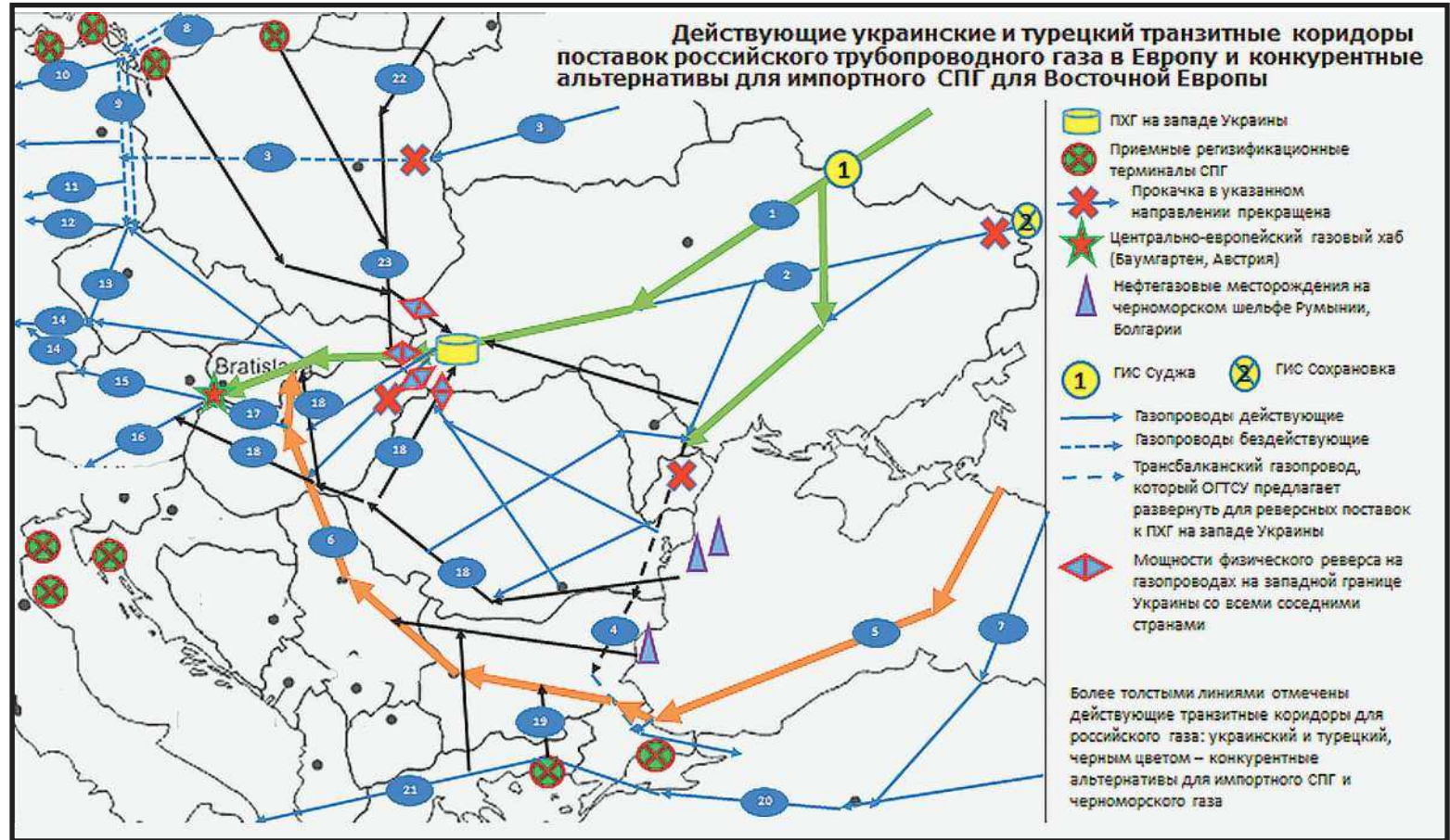

Рис. 2. Газопроводы: 1. Уренгой-Помары-Ужгород, Прогресс (Ямбург-западная граница СССР); 2. Союз (Оренбург-западная граница СССР); 3. Ямал-Европа; 4. Трансбалканский; 5. Турецкий поток; 6. Балканский поток; 7. Голубой поток; 8. Северный поток 1, 2; 9. OPAL, EUGAL; 10. NEL; 11. JAGAL; 12. STEGAL; 13. GAZELLE; 14. MEGAL; 15. WAG; 16. TAG; 17. HAG; 18. Eastring, BRUA; 19. IGB; 20. TANAP; 21. TAP; 22. GIPL; 23. Польша-Словакия.

учуждения транзитных коридоров УПУ-«Прогресс» и «Союз». При действующем транзите в ней можно было размещать военные и иные уязвимые объекты (как они размещаются, например, в школах и больницах), обосновано полагая, что Россия не будет бить даже высокоточным оружием по объектам, находящимся в полосе отчуждения работающих транзитных газопроводов.

В-пятых, в связи с необходимостью обеспечивать физический реверс для поставок газа с запада в центральные и восточные районы, пока еще находящиеся под контролем Киева, возникают дополнительные затраты на строительство обводок вокруг КС.

Словакия

Страна теряет возможность прокачки объемов украинского транзита через свою ГТС и получение транзитных доходов от этого.

Однако Словакия получает возможность частичной компенсации потери украинского транзита за счет поставок регазифицированного СПГ с приемных терминалов СПГ в действующий в Свиноустье мощностью 7 млрд куб. м/год, запланированный в Гданьске, от 4,5 млрд до 12 млрд куб. м/год) и Литве (действующий в ЕС. Об этом свидетельствует, например, блокировка Болгарией строительства «Южного потока» в 2014 году, затягивание строительства «Балканского потока», повышение транзитных тарифов на российский газ в «Балканском потоке» для Сербии и Венгрии в октябре 2023 года (отменено в декабре того же года).

«Инициативы трех морей» (см.: «Как США продвигают свой СПГ в ЕС против России и самой Европы», «НГ-энергия» от 14.06.22), это даст суммарную мощность хранения около 5 млрд куб. м, что в 6 раз меньше рабочей емкости ПХГ на западе Украины. Поэтому доступ к западноукраинским ПХГ физическим реверсом критически важен для замещения российского газа импортным (американским) СПГ в ЕС.

Австрия

Здесь картина аналогична словацкой, только меняются география и объемы прокачки. Здесь транзит в Италию сохраняется от Баумгартена на словацко-австрийской границе к Тарвицио на австрийско-итальянской границе вне зависимости от того, откуда газ поступает на Баумгартен: по словацкому коридору из Украины или из Польши, или по Балканскому потоку в Венгрию и дальше по газопроводу HUG в Австрию. Вопрос: сколько останется на долю Австрии для себя и прокачки в Италию – ведь она последняя в ряду на том и другом маршруте.

Венгрия и Сербия

Обе страны не зависят от украинского транзита после 2021 года, ибо получают газ по «Балканскому потоку». Но зависят от поведения Болгарии, которая (с подачи США и Брюсселя) продолжает чинить препятствия российскому газу и его доставке в эти якобы наиболее «пророссийские страны-изгои» в ЕС. Об этом свидетельствует, например, блокировка Болгарией строительства «Южного потока» в 2014 году, затягивание строительства «Балканского потока», повышение транзитных тарифов на российский газ в «Балканском потоке» для Сербии и Венгрии в октябре 2023 года (отменено в декабре того же года).

Польша

Эта страна хочет перехватить у Украины роль основного транзитного узла, но на севере Восточной Европы и для импортного, в первую очередь американского, СПГ

Они должны связать приемные терминалы СПГ (в первую очередь из США) на севере (Польша, Литва, теперь можно добавить и ФРГ) и на юге (Турция, Греция, Хорватия) и румынские морские месторождения в Черном море действующими (опустевшими после ввода в эксплуатацию «Турецкого потока»), но запущенный в реверсном режиме Трансбалканский газопровод и новыми интерконнекторами (Литва-Польша (GIPL), Польша-Словакия, Греция-Болгария (IGB), Болгария-Румыния-Венгрия-Словакия (Eastring), Болгария-Румыния-Венгрия-Австрия (BRUA), см. карту) через крупнейшие в Европе ПХГ на западе Украины с действующим украинским коридором поставок российского газа.

И поставлять от этих ПХГ, куда должен приходиться регазифицированный СПГ (с юга – по физическому Трансбалканскому реверсу в соответствии с планом 2020 года тогдашнего главы ОГТСУ Сергея Макогона), далее на запад вглубь ЕС по ГТС Словакии. Вбирая по пути поставки из указанных интерконнекторов и замещающий российский газ преимущественно регазифицированным импортным (в первую очередь американским) СПГ.

Поэтому возможность доступа реверсом к ПХГ Украины через Велке-Капушаны критически необходима для балансировки дискретных поставок СПГ. Идеальный для Польши вариант – получение контроля над этими ПХГ присоединением к стране Восточных Кресов в ходе глубокой интеграции с Украиной или путем военного или послевоенного ее раздела. Тогда интеграция западноукраинских ПХГ (27 млрд куб. м) и ПХГ на юго-востоке Польши (1 млрд куб. м) создаст в Европе крупнейший узел газового хранения (для сравнения: мощность крупнейших в ЕС национальных ПХГ ФРГ – около 20 млрд куб. м) и возможность влиять на физические потоки газа в Центральной и Восточной Европе и на ценовую конъюнктуру на торговую площадку Центрально-европейского газового хаба в Баумгартене.

«Газпромом». Правда, уже к августу болгары передумали, ибо регазифицированный СПГ с турецких приемных терминалов стал им обходиться на треть дороже российского газа...

Страна заинтересована в отказе (прекращении) от украинского транзита – тогда нагрузка «Балканского потока» станет максимальной, равно как и ее доходы от транзитных платежей. Однако как чинила препятствия российскому газу и считающимся на Западе двум наиболее «пророссийским» странам ЕС, так может и дальше продолжать эту инспирируемую США и Брюсселем политику, используя свою роль ныне монополия поставщика российского газа в Сербию и Венгрию.

Молдавия

Прекращение украинского транзита ставит вопрос об энергоснабжении Приднестровья и самой Молдавии, ибо газ в правобережную Молдавию приходит через Приднестровскую Молдавскую республику (ПМР), а значительная его часть потребляется на расположенной в ПМР Молдавской ГРЭС, которая обеспечивает 70% электроснабжения правобережной Молдавии. Компенсировать российские поставки с востока румынскими с запада не получится (нет достаточных мощностей, нет объемов плюс Молдавия не будет поставлять газ с запада в Приднестровье). Кардинальное решение вопроса возможно, но при таком завершении СВО, при котором Приднестровье и Гагаузия (?) становятся самыми западными регионами южного приморского пояса, добровольно вошедшими в состав РФ...

Евросоюз

Официальная политика ЕС после начала СВО очевидна и однозначна: отказ от поставок любых российских энергоносителей к 2027 году и любое противодействие любым российским поставкам в качестве общего правила. Проект обновленного регулирования газового рынка ЕС от 15.12.23 вводит ограничения с 2024 года на доступ